

В следующих за этим обращениях снова обстоятельно обозначается имя героя в такой формуле: «Благороднай мой и любезнай царевич Соломон!» «Благородная и благоверная царица Вирсавия!».

Стиль повести «Красного сборника» отличается обилием повторений. Так, например, наказ царицы Вирсавии боярину Викчуле, признание Викчулы царевичу Соломону, доклад Викчулы царице Вирсавии о выполненном им поручении, рассказ Викчулы, когда он открывает царю Давиду злой умысел Вирсавии, наконец, рассказ самого Соломона, проникшего к своей матери под видом Разумника, — все эти пять эпизодов изложены почти в одинаковых выражениях и с одинаковыми подробностями. То же текстуальное сходство наблюдаем мы в трижды повторенном эпизоде о «торге без запрещения», а также в финале повести (сцена под виселицей), где Соломон вызывает дружину троекратно повторенным сигналом. Эта финальная сцена выделяется особой эпической законченностью.

Как и в былинах и сказках, встречаются повторения отдельных слов («лик в лик»), повторения предлогов («ко матушке моей царице ко Вирсавии», «за морем за теплым», «по смерть по свою горькую», «на царе сижу, на злодее моем, на царе Соломоне»), сочетания слов, родственных по происхождению («клич кликати»), сочетания слов, родственных по значению («пакость делаешь скверную», «реки-источники текут»). Особый вид повторений — повторения подлежащего и сказуемого — мы уже отмечали.

Излюбленным, как в песнях и сказках, является число «три»: три камня самоцветные, три года, трои суток, три кольца и многие другие примеры. Нередки также постоянные эпитеты: «пшеница белоярая», «каменья самоцветные», «зверь лютый», «дары честные», «кушанье сахарное», «златой терем», «злат стол», «товар парчевой», «зелье забудущее» и многие другие. Есть и сравнения, например такие эпические образы уподобления: «Гой еси гостинай сын! не по себе виноград счиплешь и царскую сливу крадешь!» (л. 108), — кричит царевич Соломон любовнику царицы Вирсавии. Корабль, снаряженный «княженецким» слугой, украшенный «золотом и серебром и каменьями самоцветными», чудодейственные гусли, которые то отыгрывают ум, то рассеивают печаль, конь, «что ни лучший», богатырский сбик царя, обнажившего свой царский меч, поднявшего его выше себя, — все это обрисовано в народно-поэтическом вкусе.

Чисто сказочное распространение дается в эпизоде сватовства царевны Соломаниды Володомовны: «Царь Давид срядил три посла во Царьград, дал войска 12 полков, отпустил с великою честью в Царьград ко царю Володому Володомовичу по царевну Соломаниду Володомовну; три посла с войскем остоновилися не доехавши Царяграда за трицетъ верст, из Царяграда царь Володом Володомович выслал встретить трех пашей... с великою честью, встретили с пушечною палбою и со всякими веселыми играми» (л. 143 об.). Заметим, что имя цареградского царя Володома Володомовича напоминает Володотомна стиха о Голубиной книге и возникшей на его основе повести о граде Иерусалиме.

Всеми этими особенностями повесть «Красного сборника» заметно выделяется среди других текстов сказаний о царе Соломоне. Между ними старшие тексты написаны традиционно-книжным языком; младшие, напротив, испытали уже довольно значительное влияние фольклора. На пути к сближению с ним большой шаг вперед делает пересказ «Красного сборника»: не свободный еще от церковно-славянизмов, встречающихся в виде отдельных речений и форм (отче, рек, ночь, зело, братие, умре, млада суца, сицевое послание, аз и пр.), он, освобождаясь от них, местами сби-